

Смягченный креационизм – от Хэйла и Линнея к Дарвину и к нам

Ю.В. Чайковский

yu-v-ch@yandex.ru

В 2007–2009 годах прошли два заметных юбилея – трехсотлетие Карла Линнея и двухсотлетие Чарлза Дарвина (второе совпало с двухсотлетием главной эволюционной книги Жана-Батиста Ламарка). В обоих я поучаствовал [Чайковский, 2007, 2009а–д, 2010], а за вторым к тому же следил, и впечатление осталось мрачное. В обширном потоке восхвалений Дарвина не попало мне ни одной свежей мысли и ни одного упоминания книги Ламарка, хотя в дни прежних юбилеев и то, и другое явилось в изобилии. Единственным заметным исключением стал для меня журнал «Наука из первых рук», поместивший две статьи В.Н. Сойфера [2010а, б], причем обложка номера со статьей о Дарвине гласит иронически: «Чарлз Дарвин – великий популяризатор эволюционной идеи» (в сущности, так оно и есть).

Сойфер¹ удивительно верно указал болевые точки дарвинизма, хотя история эволюционной науки бывала лишь его кратким хобби. Мне он замечателен еще и статьями о Ламарке и ламаркизме в те годы, когда их полагалось только поносить. Но дальше, насколько знаю, Сойфер в понимании эволюции, к сожалению, не пошел.

Статья его о Ламарке содержательна и полезна, но чисто хвалебна, а вот статья о Дарвине прелюбопытна: не отрицая заслуг классика, автор

напомнил давно известное, но почти не упоминаемое, – что все творчество Дарвина пронизано стремлением скрыть роль прежних ученых в развиваемой им концепции. Более мягко было сказано о данной черте характера Дарвина и у меня [Чайковский, 2000], но о заимствовании у Линнея, притом фундаментальном, речи прежде не было.

Об этой черте Дарвина читателю следует помнить, читая дальнейшее, но речь далее пойдет не о пресловутом приоритете (он мне абсолютно неинтересен), а о сквозной идее, пронизывающей европейское эволюционное мировоззрение.

За первым (линнеевским) юбилеем я не следил, и лишь недавно мне стали известны две юбилейные публикации, исследующие экологические взгляды Линнея [Боркин, 2009; Розенберг, 2010]. Там, среди прочего, авторы напомнили тот давно известный факт, что Линней держался *смягченного креационизма*, то есть полагал каждый вид сотворенным Богом, но принимал, что каждому виду Творец даровал способность изменяться под действием условий среды:

«Линней, соглашаясь с библейским толкованием “нулевой точки” в происхождении растений (создание немногих видов), признал возможность появления последующего многообразия видов растений за счет, говоря современным языком, ги-

¹ Валерий Николаевич Сойфер (1936–2024), известный ученый-универсал, студентом был переведен (приказ замминистра по представлению академика И.Е. Тамма) из ТСХА (Тимирязевской сельхозакадемии) в МГУ, на 4-й курс физфака, на кафедру биофизики.

Ходил на «спецуху» (военное дело) вместе с моей группой, но вскоре перестал, а нам сказал, что получил белый билет. Зная, сколь это трудно даже настоящим инвалидам, мы тщетно спрашивали, как ему удалось. Лишь на прямой вопрос «скажи хоть статью», он ответил с четверть-улыбкой: «Искривление головки полового члена» (слышал это я сам).

Словом, общения с ним не получалось, ибо он к нему не стремился, общаясь с такими гигантами, как И.Е. Тамм и Н.В. Тимофеев-Ресовский. Он уже публиковался сам. Первая, кроме работ в ТСХА, его статья «Элодея танцует» («Знание-сила», 1962, № 3) о биологических часах уже содержала изрядный исторический материал. Сойфер окончил заочно ТСХА, ушел в аспирантуру Курчатовского атомного института, а МГУ бросил.

Став активным правозащитником, он потерял основное место работы и в 1988 году, едва появилась возможность, уехал в США, где впоследствии и умер.

бридогенной эволюции. Из приведенной (у Боркина. – Ю. Ч.) выше цитаты вытекает, что процесс проходил, по крайней мере, в два этапа: сначала появились гибридные роды, а затем и собственно гибридные виды» [Боркин, 2009, с. 47–48].

Могу добавить, что ботаник-эколог Йенс Клаусен (Дания, США) называл взгляды Линнея «забытой теорией эволюции» [Clausen, 1951]. Вообще же, мнение о способности видов изменяться бытует в науке как минимум с XIII века (см. главу «Альберт Великий» в книге [Луневич, 1960]), а новое в юбилейных статьях – ссылки на практически забытые работы самых разных авторов.

Знакомство Ч. Дарвина с экологическими работами К. Линнея, где высказаны близкие мысли, известно из «Длинной рукописи» (1857–1858) Дарвина [Stauffer, 1960]; но нам важно, что намного раньше, в его раннем «Очерке 1842 года», опубликованном посмертно, трижды упомянута линнеева *экономия природы* [Darwin F., 1909, p. 8, 36, 43]. Добавим: в этом «Очерке» взято из Линнея далеко не только это. Известный самарский эколог Геннадий Розенберг [2010] пишет, что Дарвин знал ограниченно-эволюционную позицию Линнея уже в 1840-х годах.

Верно, и следует уточнить: Дарвин показал это знание уже в «Очерке 1842 года» (именно там он впервые дал набросок своего понимания изменения видов). В частности, молодой Дарвин заявил там дословно следующее²:

«Who, seeing how plants vary in garden, what blind foolish man has done in a few years, will deny an all-seeing being in thousands of years could effect (if the Creator chose to do so), either by his own direct foresight or by intermediate means, which will represent (?) the creator of this universe. Seems usual means. Be it remembered I have nothing to say about life and mind and all forms descending from one common type³. I speak of the variation of the existing great divisions of the organize kingdom, how far I would go, hereafter to be seen» [Darwin F., 1909, p. 6–7].

Перевод: «Кто, видя, как меняются растения в саду, что сделал слепой глупец за несколько лет, будет отрицать, что всевидящее существо за тысячи лет могло бы [это] осуществить (если бы Творец пожелал этого) либо своим непосредственным предвидением, либо промежуточными средствами, которые будут представлять (?) создателя этой вселенной. Видимо, это обычные средства. Следует помнить, что мне нечего сказать о жизни, разуме и всех формах, происходящих от одного общего типа. Я говорю о различиях в существующих крупных подразделениях животного царства; о том, как далеко я зайду, будет видно позже».

Как видим, смягченный креационизм заявлен прямо, причем подчеркнуто, что об эволюции как целом речи не будет. «Как далеко я зайду», было тогда автору неясно, и, добавлю, не стало ясным никогда. В этом его существенное отличие от Линнея, которому было ясно, что изменения ограничены рамками вида. Впрочем, Линней воздерживался от прямой публикации такой своей позиции, так что возник вековой спор о том, можно ли считать его эволюционистом (подробно об этом см. [Юзепчук, 1957]). Зато можно вполне определенно отметить, что Линней опирался и на свои наблюдения, и на точки зрения предшественников.

В 1742 году он обнаружил близ Упсалы странное растение, очень похожее на мятлик, но с иным числом тычинок цветка, и, назвав его *Peloria*⁴, счел его особым видом, происшедшим от мятлика путем скрещивания с неизвестным растением [Юзепчук, 1957, с. 47]. Оно оказалось константным в ряду пересевов, то есть могло быть названо видом. В связи с этим важно напомнить, что в § 157 «Философии ботаники» (1751) Линней, декларировав неизменность вида, глухо допустил (петитом) иное, причем упомянул как свою пелорию, так и французского ботаника Маршана, и немецкого ботаника-путешественника Гмелина:

² Даю английский оригинал потому, что читатель, знающий лишь обычный перевод [Дарвин, 1939], легко может усомниться (как было когда-то со мной) – неужели так мог писать тот Дарвин, что известен нам из учебников? Русские апологеты Дарвина не раз делали перевод более удобным для дарвинизма, чем оригинал, но тут мы видим, наоборот – перед нами текст как бы из трактата по естественному богословию. Именно таковым был юный Чарлз Дарвин, да и впоследствии во многом остался.

³ Сноска в оригинале: «Good place to introduce, saying reasons hereafter to be given, how far I extend theory, say to all mammalia reasons growing weaker and weaker». Приблизительный перевод этой небрежной фразы из черновой заметки: «Хорошее место, чтобы ввести (общий тип. – Ю. Ч.), говоря о доводах, приводимых далее, как далеко я распространяю теорию, скажем, на всех млекопитающих, доводах, которые становятся все слабее и слабее».

⁴ К обязательности биномиальной номенклатуры Линней пришел позже, в 1753 году.

«Сомнения выражали Маршан... (1719); Я в “Пелории”; Гмелин во вступительной речи (1749)» [Линней, 1989, с. 94].

Что означало такое упоминание, Линней не сказал, так что поясню, что в своей статье Жан Маршан [Marchant, 1719] прямо сформулировал тезис (известный нам как линнеевский) – что Богом создан лишь начальный вид каждого рода, а от него пошли разновидности, породившие затем нынешние виды. Это был уже, *за полвека до Линнея, четко выраженный смягченный креационизм*. А Иоганн Гмелин прямо назвал свою речь: «Академическая беседа о возникновении новых растений после божественного творения» [Gmelin, 1749].

Так что у нас нет особой нужды выяснять, читал ли Дарвин Линнея еще до написания «Очерка 1842 года» – ведь оба следовали давней (пусть и маргинальной) общеевропейской традиции. (Еще Альберт Великий, допускал, например, что на дубовом пне может вырасти росток березы.) Сама же традиция смягченного креационизма шла, как минимум, от книги Мэттью Хэйла (1677), где, кстати, впервые введен термин «эволюция» в биологическом смысле⁵. Традиция смягченного креационизма – часть общей традиции, известной как *естественное богословие*. В годы юности Дарвина оно преподавалось в университетах, и соответствующий учебник Уильяма Пэйли (Paley, 1802, 1806) Дарвин до старости вспоминал с благодарностью.

Но «о жизни, разуме и всех формах, происходящих от одного общего типа», то есть обо всем том, что потомки приписали Дарвину, он в молодости и думать, видимо, не хотел, поскольку с расширением допустимых рамок «доводы становятся все слабее и слабее». Хотел ли Дарвин сделать это позже, другой вопрос.

Словом, идея изменчивости как заложенной в организмы Богом при творении была хорошо известна до Дарвина. Она вела лишь к смягченному креационизму, и считать Дарвина основателем эволюционной теории как таковой можно лишь в той мере, в какой он смог выйти за рамки смягченного креационизма. Это можно принять лишь в той области знания, где он дал фактическое обоснование своих идей.

Читая «Очерк 1842 года», мы не видим никаких обоснований идеи эволюции – есть только

длинный перечень обрывочных тез, обычных в тогдашней натурфилософской литературе. Для чернового наброска это нормально, но беда в том, что и позже у Дарвина, в основном, остались те же тезы, лишь отредактированные литературно. В эволюционном смысле у Дарвина фундаментально обоснована, как у Хэйла, Маршана, Линнея и других, именно внутривидовая изменчивость, и только.

В частности, тут, в «Очерке 1842 года», никак не обоснована идея естественного отбора (лишь некое подобие отбора ведет там «всевидящее существо»), однако историки дарвинизма приводят данный «Очерк» как первую работу о естественном отборе.

Впервые мы видим упоминание идеи естественного отбора у Дарвина раньше, в 1838 году, в «Записной книжке В» [Дарвин, 1959, с. 123]. Там есть фраза:

«Как объяснить это при помощи закона малых различий, производящих более плодovitое потомство?» (страничка 236 книжки).

Данный «закон» упомянут тут Дарвином впервые, притом как уже известный автору и читателю, поэтому очевидно, что он был изложен им выше, на одной из вырезанных Дарвином страничек – вернее всего, на предыдущей (странички 234–235). В явном же виде этот «закон» содержался до этого в статье Этьена Жоффруа Сент-Илера, во фразе:

«Если эти изменения приводят к вредным последствиям, то животные, у которых они возникают, гибнут и заменяются другими животными со слегка измененными формами, притом измененными таким образом, что они соответствуют новым условиям» [Geoffroy, 1833, p. 79].

Данную статью Дарвин внимательно изучил (выше, в той же «книжке В», он упоминал ее как важную). Фразу историки забыли, если кто и знал⁶, а ведь это – эпохальный тезис: прочтя его в феврале 1838 года, Ч. Дарвин стал как бы дарвинистом, ибо в ней впервые высказана мысль о ведущей роли *малых* выгодных изменений в эволюции. Пусть она и ошибочна (как выяснено в XX веке, для эволюции важны лишь достаточно крупные изменения, о чем много написано⁷), это не мешало данной идее впоследствии воцариться в науке. На ней, в частности, и базировался «Очерк 1842 года». Мысль Дарвину следовало развить –

⁵ О Хэйле см.: Lethaea rossica, 2017, т. 14, с. 128; также в книге: [Чайковский, 2018] на с. 36–38.

⁶ Исключением был Илья Ефимович Амлинский [1955]. Он оценил эту фразу на с. 327.

⁷ Литературу см., например, (по указателю на слово *эволюция*) в книге [Чайковский, 2018].

либо обосновать фактами, либо отбросить, но этого так никогда и не было сделано.

* * *

Вернемся к влиянию работ Линнея на Дарвина. Первое упоминание линнеевой «экономии природы» Дарвином (с. 8 оригинала «Очерка 1842 года») таково:

«подумать о бесконечных семенах, рассыпанных всюду, — о лесах, восстанавливающих свое процентное отношение, — тысяча клиньев, вогнанных в экономию природы. Это требует долгих размышлений: изучить Мальтуса и вычислить скорость размножения...».

Фраза не слишком понятна — она действительно требовала «долгих размышлений». Но размышлений не о скорости размножения, а о месте, какое может занимать борьба всех со всеми в развитии, и какого не может. Она была развернута лишь в первом издании «Происхождения видов», в главе 3:

«Лик Природы можно сравнить с податливой поверхностью, на которой десять тысяч острых клиньев плотно прижаты друг к другу и загоняются внутрь непрерывными ударами, иногда по одному клину, а затем по-другому, с большей силой» [Darwin, 1859, p. 67].

Фраза стояла в главе 4, перед нынешним подзаголовком «Природа препятствий, задерживающих возрастание численности» [Дарвин, 1939, с. 318], почему-то разрывая рассуждение о чрезмерности размножения, приводящего к борьбе всех со всеми. Это рассуждение взято, как позже указал сам Дарвин [Дарвин, 1939, с. 317], у Линнея, хотя в Очерках 1842 и 1844 годов оно дано без его упоминания. Но само рассуждение принадлежит Линнею, и термин «экономия природы» ему же. Как видим, молодой Дарвин был с учением Линнея знаком уже тогда.

Но у Линнея проводилась близкая нам мысль о равновесии в природе, тогда как у Дарвина, наоборот: допущены тысячи клиньев, непрестанно теснящие друг друга. Это возможно, только если их толкает согласованная общая сила — иначе все мигом рассыплется. В Очерках 1842 и 1844 годов то было «всевидающее существо», повторявшее линнееву волю свыше, но из «Происхождения видов» это «существо» исчезло, ничем не замененное. Сам ли Дарвин увидел неустойчивость придуманной им схемы клиньев, или ему кто-то на это указал, мы не знаем, однако уже из второго издания рассуждение о клинях исчезло, оставив всю схему борьбы висеть без опоры, — вот где двое великих натуралистов разошлись.

Разошлись они и в другом. Почти забытый историк ботаники Сергей Васильевич Юзепчук (1893–1959) в свое время отметил [1957, с. 46]:

«Очень интересно отношение Линнея к формообразованию у культурных растений, подробно поясняемое им в “Критике ботаники”. Он отказывается придавать одинаковое значение многочисленным сортам культурных растений и настоящим видам, созданным “всемогущим творцом” и имеющим положенные пределы изменчивости, за которые они не могут перешагнуть. Количество же разновидностей культурных растений, по его мысли, может быть безграничным, так как создающие их садоводы используют для своих целей “игру природы” (*lusus naturae*), и отношение к этим разновидностям уже в силу их кратковременного существования должно быть иным, нежели к настоящим видам».

Дарвин же этой границы не увидел. Он, как известно, полагал внутривидовую изменчивость (скрещивание и индивидуальные вариации) единственным материалом для любой эволюции. Ему не раз указывали на то, что она не может объяснять эволюцию в целом, годясь только для смягченного креационизма, но успеха не имели.

* * *

Рассмотрим интересный пример обращения молодого Дарвина с идеями креационизма. В январе 1836 года молодой Дарвин, по его собственным словам,

«лежал на освещенном солнцем берегу и размышлял о странном характере животных этой страны (юг Австралии. — Ю. Ч.) по сравнению с остальным миром. Человек, ни во что не верующий, кроме своего собственного разума, мог бы воскликнуть: “Безусловно здесь работали два различных творца; однако объект у них был один и тот же, и цель в каждом случае достигнута полностью”. Размышляя таким образом, я заметил колючую ловушку муравьиного льва — муха попала туда и немедленно исчезла. <...> Без сомнения, хищная личинка принадлежит к тому же роду (*Myrmeleo* нынешнего отряда сетчатокрылых. — Ю. Ч.), но к другому виду, чем европейский. — Что же скажет теперь по этому поводу неверующий? Можно ли думать, что два творца изобрели каждый столь красивое, столь простое и в то же время столь искусное приспособление? Допустить это невозможно. Несомненно, над всей вселенной работала одна рука» [Дарвин, 1935, с. 552].

Как видим, Дарвин, размышляя о параллелизме фаун, решил, что «творец» был всюду один и тот же, но мог творить несколько различно — это

вполне согласно с идеей смягченного креационизма, ставшего в будущем воззрением самого Дарвина. В первом издании своего «Путешествия на Бигле» (1839) он сохранил это размышление, но во втором, в 1845 году, то есть уже после написания «Очерков», он писал иначе. Теперь он описал [Дарвин, 1935, с. 369, сноска]⁸ только акт охоты личинки у обоих видов муравьиного льва, опустив размышления о творце. В его «Длинной рукописи» (в ее фрагменте, опубликованном в 1885 г.) данный пример был едва упомянут [Дарвин, 1939, с. 706], а из «Происхождения видов» изъято и упоминание. Параллелизм (там, где его не удавалось объяснить ни как унаследованный от общего предка, ни как независимое приспособление) перестал интересовать его.

Это для Дарвина было и тогда, и позже, обычно: блестящий наблюдатель, смелый в предположениях, он был слаб в теориях. Его, юного креациониста, пример привлек весьма, но вскоре, с позиции смягченного креационизма, пример стал подозрителен – едва ли один вид был изменением другого вида, на другом конце Земли. Вернее было допустить привычное тогда независимое творение, потому он и дан без пояснений. А впоследствии, с позиции отбора случайных вариаций, пример стал совсем нежелателен, ибо изощренным (а значит, невозможным в одну ненаправленную вариацию) приспособлением явилось *поведение личинки*, тогда как отбор, по Дарвину, действует «в основном» на взрослые формы.

Поясню: даже если допустить (как принято), что отбор может создавать за тысячу поколений любой признак, то просто новый вид потребует миллион поколений, а вид с изощренным поведением личинок – как минимум миллиард, и все это при постоянной среде, одинаковой в Австралии и Англии. Это нелепо. Поэтому, вместо попытки объяснения, пример Дарвином просто выброшен.

Геккель в 1866 году, наоборот, допускал в таких случаях, что животным свойственно некое «добавочное чувство» [Дарвин, 1939, с. 815].

Вскоре (1868 г.) американский палеонтолог Эдвард Коп выступил с идеей *гомологических рядов*⁹, придав всей тематике новую форму. А

именно Коп, понимая, что «добавочное чувство» следует как-то объяснять, а не отбрасывать, стал психоломаркистом. Общая проблематика эволюции оказалась совсем не там, где искал Дарвин (не в мелкой индивидуальной изменчивости), а в крупных скачках, проявляющих параллелизм. Так что сам он от общих проблем отошел, а дарвинисты предпочитают не видеть проблем по сей день, упоывая на богословские искания Дарвина как на обоснование научное.

Вот уж воистину, как говорили в старину, Бог им в помощь!

* * *

Далее, в «Очерке 1842 года» пять раз (с. 35, 36 (дважды), 38, 45) упомянута *естественная система*. Данное понятие заимствовано Дарвином у Уильяма Вьюэлла [Whewell, 1840], коего Дарвин прямо упомянул, что с ним в теоретических темах бывало редко. Само же понятие намного старше: ведет свою историю от *естественного метода*, развитого в «Философии ботаники» Линнея (1751).

Признав в «Очерке», что термин естественная система ему не вполне понятен, Дарвин неуверенно склонился к мысли, что естественную систему следует понимать «генеалогически», то есть как линию (или линии) от предка к потомкам. Позже, с книгой Эрнста Геккеля (1866), такое понимание в науке воцарилось, хотя и Линней, и Вьюэлл понимали его совсем иначе (не исторически, а структурно). Генеалогическое понимание стало и оставалось незыблемым, пока через сто лет не появились концепции *горизонтального переноса генов*, а вскоре и *диатропики*. Первая размыла понятие родства¹⁰, а вторая призвана ныне показать биологам (и не только им) неизбежность принятия структурных (в эволюции – номогенетических) построений. Ведь «Естественная система – система, отражающая упорядоченность, имеющуюся в природе помимо нас. В основу естественной системы кладутся существенные признаки, такие, из которых вытекают остальные свойства классифицируемых объектов» [Шипунов, 1999, с. 7].

Система, заявляющая данную задачу, но не решающая ее, может быть полезна лишь как времен-

⁸ Текст сноски: «Меня очень заинтересовала замеченная мною в земле полая коническая западня, принадлежащая муравьиному льву или какому-нибудь другому насекомому. Сначала в это роковое отверстие упала муха и мгновенно исчезла; после этого попался большой, неосторожный муравей; он делал необычайные усилия, стараясь спастись бегством; но тогда начались снизу те любопытные выстрелы песчинками... насекомое отбрасывает песчинки хвостом, направляя их прямо в намеченную жертву».

⁹ О них см., например, [Давиташвили, 1948; Чайковский, 2025]. Хищные личинки различных организмов, подчас совсем несходных, – один из таких рядов.

¹⁰ Чем сделала поиск эволюционного родства, и прежде сомнительный, бессмысленным.

ная, тогда как практикам нужна система постоянная. Может ли она быть естественной? Систематики-дарвинисты уверены, что может, однако этого у них практически не получается – системы то и дело пересматриваются (подробнее см. [Чайковский, 2007]). По-моему, увязать естественную систему с эволюцией удалось пока что, как и в прошлом, только в рамках смягченного креационизма.

Вернемся к Дарвину. Он простодушно повторял схемы своей молодости, называя их эволюционными, но обосновал как эволюционные (примерами внутривидовой изменчивости и географического распространения) один лишь смягченный креационизм, каковой ныне принято упоминать пренебрежительно, как «ограниченный». Дарвин, как и многие тогда натуралисты, в молодости увлекался модной в те годы натурфилософией, но, в отличие от других, вдруг оказался к старости востребованным.

Так что, пожалуй, прав был Сойфер, если это он предложил назвать Дарвина (на обложке журнала) великим популяризатором эволюционной идеи. Сказанное ничуть не умаляет заслуг великого натуралиста¹¹; кстати, на его величие студент Сойфер тоже указал в своей «Элодее».

Заметим под конец, что главным в дарвинизме (признании эволюции под действием естественного отбора малых вариаций) сам Дарвин увлекался не так уж долго, всего 15 лет – с 1857 года, когда прочел у Уоллеса гипотезу ведущей роли одного отбора, до 1872, когда издал окончательную версию своей знаменитой книги. После этого, в последние 10 лет жизни, он вернулся к тому, в чем был действительно мастером, к собственно биологии, где прославился заслуженно, – и в этом его признали даже противники дарвинизма. Он продолжал изредка упоминать естественный отбор, но вскользь и не по сути дела.

Вернее будет сказать, что до конца жизни он придерживался своего исконного взгляда на живой мир – смягченного креационизма. Важно, что, к сожалению, дарвинизм по сей день следует по

его стопам: подробно исследуя ту эволюцию, какую признавал Линней, а про остальную он говорит: «и так далее».

Недаром С.В. Мейен не раз шутил, беседуя, что, мол, дарвинизм – это *итакдальная философия*. Она и царит до сих пор. Породил ее, к сожалению, сам Дарвин. Такова, например, у него фраза «жизнь с ее силами роста, ассимиляции и воспроизведения была первоначально вдохнута в материю – в одну или несколько форм». Она прошла, притом без всякой разработки, через 30 лет эволюционного творчества Дарвина (1842–1872), хотя надо было хоть чем-то ее обосновать.

В самом деле, книги (от школьных учебников до научных руководств) нам вновь и вновь показывают разнообразные клювы дарвиновых выюров и еще несколько подобных давних примеров смягченного креационизма, показывают в качестве безусловного свидетельства эволюции, затем добавляют давнее толкование промежуточных форм (например, от плавников и ласт к лапам и ногам) как переходных, после чего всегда следует, в той или иной форме, сакраментальное «и так далее».

Как сильный довод в пользу дарвинизма, часто приводят постепенное улучшение органа (например, конечности или глаза), наблюдаемое в ходе эволюции, хотя это – довод и в пользу ламаркизма. Дарвину многократно указывали на тот факт, что пользу для выживания может оказывать лишь орган, в какой-то мере сформированный, а не едва заметный зачаток. Дарвин, построивший свою теорию на улучшениях (только их смягченный креационизм и допускает), а не на возникновениях, не смог ничего ответить по существу, хотя исписал про это много страниц. Но впоследствии появились такие, например, доводы: даже неподвижный протоплавник (вырост) мог быть полезен для стабилизации туловища предка рыб, как полезен киль у лодки. Или: зрение появилось в форме светочувствительного пятна у одноклеточных, а потом усложнялось. Все это – редкие специально подобранные примеры¹², но и они требуют анализа.

¹¹ Да, великого. Он видел дальше других – постоянно указывал на то важное, мимо чего другие проходили, не заметив, и что затем бывало использовано иными эволюционистами (ламаркистами, номогенетиками, экологами и т.п.). См., хотя бы, его рассуждение про муравьиного льва, приведенное выше, по сути номогенетическое. Но в теориях, повторю, был слаб, нередко принимая толкование, даже поверхностное, за научное объяснение. Он сам отчасти понимал свою слабость как теоретика, признаваясь: «у меня не метафизическая голова» (точную цитату см. [Дарвин, 1950, с. 126])

¹² Основная часть свойств организмов не допускает столь простых трактовок. Если автору, чуждому физиологии, легко рассуждать о малых полезных изменениях (например, о превращении простого зуба змеи в ядовитый), то для физиолога это просто невозможно, поскольку для жизни требуется одновременное становление всего синдрома *ядовитости*, иначе организм отравит сам себя. Да и сложная молекула яда возникает химически, сразу, а не образуется из слюны путем малых вариаций.

Полезное возникновение (в отличие от изменения того, что существует) никогда не достигается в одну вариацию, а является собой новую конструкцию, включенную в систему метаболизма, а у более сложных – еще и в системы кровоснабжения и иннервации животного. Это мы и наблюдаем у всех уродств. Аналогично, светочувствительное пятно (точнее, фотохимическая реакция в нем) само по себе бесполезно. Полезным оно может стать, только если включено в общую систему жизнедеятельности клетки, способной использовать информацию о свете (обычно – порождать направленное движение). Такие обретения достигаются отнюдь не путем линнеевой или дарвиновой внутривидовой изменчивости, составляющей суть феномена смягченного креационизма, а сразу, координированно. *Иначе нововведение бессмысленно и, по Дарвину же, не сохранится, на что ему многократно указы-*

вали коллеги и рецензенты. Дарвин, не имея ответа по существу, отвечал диалектикой.

При нынешнем состоянии понимания эволюции нам вернее говорить не о той постепенной эволюции, какую недоумел Дарвин, а о последовательности актов возникновения (эмерженции) новых типов организации в соответствии с требованиями эволюирующей среды обитания. В каждом таком акте возникает новая форма (вид или выше), чье появление сколько-то общего объяснения не имеет поныне. Зато дальнейшая эволюция данной формы только одна и понятна, ибо понятна в рамках смягченного креационизма. Остальное – «и так далее».

С такой точки зрения изложенную работу можно рассматривать как развитие тематики пункта 4 статьи [Чайковский, 2000], написанной до ознакомления с трудами Линнея.

Литература

- Амлинский И.Е. Жоффруа Сент-Илер и его борьба против Кювье. – М., Изд-во АН СССР, 1955. – 424 с.
- Боркин Л.Я. Карл Линней как зоолог // Тр. ЗИН РАН. – 2009. – Прил. № 1. – С. 9–78.
- Давиташвили Л.Ш. История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 576 с.
- Дарвин Ч. Соч. в девяти томах. Т. 1. – М.; Л.: Биомедгиз, 1935. – 605 с.
- Дарвин Ч. Соч. в девяти томах. Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 831 с.
- Дарвин Ч. Соч. в девяти томах. Т. 9. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 734 с.
- Дарвин Ч. Избранные письма. – М.: Иностран. лит., 1950. – 391 с.
- Линней К. Философия ботаники. – М.: Наука, 1989. – 452 с.
- Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. Т. I. – М.: Просвещение, 1960. – 480 с.
- Розенберг Г.С. Карл Линней и экология // Биосфера. – 2010. – № 2. – С. 257–275.
- Сойфер В.Н. Жан Батист Ламарк – создатель первого эволюционного учения // Наука из первых рук. – 2010а. – № 3. – С. 89–103.
- Сойфер В.Н. Чарлз Дарвин и эволюционная теория // Наука из первых рук. – 2010б. – № 4. – С. 86–101.
- Чайковский Ю.В. Избегание предтеч // Вопр. филос. – 2000. – № 10. – С. 91–103.
- Чайковский Ю.В. Естественная система и таксономические названия // Линнеевский сборник. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – С. 381–436.
- Чайковский Ю.В. Пятьсот лет споров об эволюции // Вопр. филос. – 2009а. – № 2. – С. 71–85.
- Чайковский Ю.В. Юбилей Ламарка-Дарвина и революция в иммунологии. Ч. 1. Иммунитет как борьба за существование // Наука и жизнь. – 2009б. – № 2. – С. 18–26.
- Чайковский Ю.В. Юбилей Ламарка-Дарвина и революция в иммунологии. Ч. 2. Иммунитет как активность организма // Наука и жизнь. – 2009в. – № 3. – С. 40–49.
- Чайковский Ю.В. Юбилей Ламарка-Дарвина и революция в иммунологии. Ч. 3. Иммунитет как упорядоченность // Наука и жизнь. – 2009г. – № 4. – С. 34–43.
- Чайковский Ю.В. Юбилей Ламарка-Дарвина и революция в иммунологии. Ч. 4. Иммунитет как система. Что возьмем у классиков? // Наука и жизнь. – 2009д. – № 5. – С. 20–29.
- Чайковский Ю.В. Ламарк, Дарвин и устройство науки. К недавнему юбилею «Философии зоологии» и «Происхождения видов» // Вестн. РАН. – 2010. – № 8. – С. 716–725.
- Чайковский Ю.В. Автопоз. Опыт пособия тем, кто хочет понять эволюцию живого. – М.: Тов-во научн. изд. КМК, 2018. – 560 с.
- Чайковский Ю.В. Диатрофика Мейена – взгляд через полвека // Lethaea rossica. Рос. палеобот. журн. – 2025. – Т. 29. – С. 1–10.
- Шипунов А.Б. Основы теории систематики. Учебное пособие. – М.: Книжный дом, 1999. – 60 с.
- Юзенчук С.В. Линней и проблема вида // Вестн. АН СССР. – 1957. – № 5. – С. 44–50.
- Clausen J. Stages in the evolution of plant species. – Ithaca; N.Y., 1951. – VIII+206 p.
- Darwin Ch. On the Origin of species by means of natural selection, or the preservation of favoured races in the struggle for life. – L.: John Murray, 1859. – X+502 p.
- Darwin F. (ed.). The foundations of The origin of species, a sketch written in 1842. – Cambridge, 1909. – 53 p.

Geoffroy Saint-Hilaire E. Sur le degré d'influence du monde ambiant pour modifier les formes animales // *Mém. Roy. Acad. Sci.* – 1833. – Vol. XII. – P. 63–92.

Gmelin I. Sermo academicus de novorum vegetabilium post creationem divinam exortu. – Tubengae Literis Erhardtianis, 1749. – 148 p.

Marchant J. Observations sur la nature des plantes // *Mém. Acad. Roy. Sci.* – 1719. – P. 59–66.

Stauffer R.C. Ecology in the long manuscript version of Darwin's «Origin of species» and Linnaeus' «Oeconomy of nature» // *Proc. Amer. Philosoph. Soc.* – 1960. – № 2. – P. 235–241.

От редакции

Чарлз Дарвин – натуралист от Бога и дипломированный богослов

Статья Ю.В. Чайковского важна, прежде всего, смелой попыткой вернуть фигуру Дарвина и его теорию в реальный исторический контекст. Смелой, поскольку реакцией, как легко предвидеть, будет, в лучшем случае, молчание со стороны профессионального сообщества. Ведь для подавляющего большинства биологов и историков науки Дарвин давно канонизирован в лике великого ученого, натуралиста, создателя эволюционной теории и могильщика креационизма. Именно с этой позиции пишется история биологического эволюционизма, и... попадает под действие своего рода «туннельного эффекта», рассматривая фигуру Дарвина и его теорию только в этом ключе. Яркий пример – книга Я.М. Галла «Становление эволюционной теории Чарлза Дарвина»¹³, увидевшего в построениях Дарвина «трехлимитную теорию эволюции с элементами пунктуализма и сальтационизма».

Ю.В. Чайковский возвращает читателя к тому, что давно известно, опубликовано, но отсекается границами «туннельного восприятия» современных дарвиноведов, – к изначальному и фундаментальному креационизму Дарвина. Напомню лишь некоторые факты.

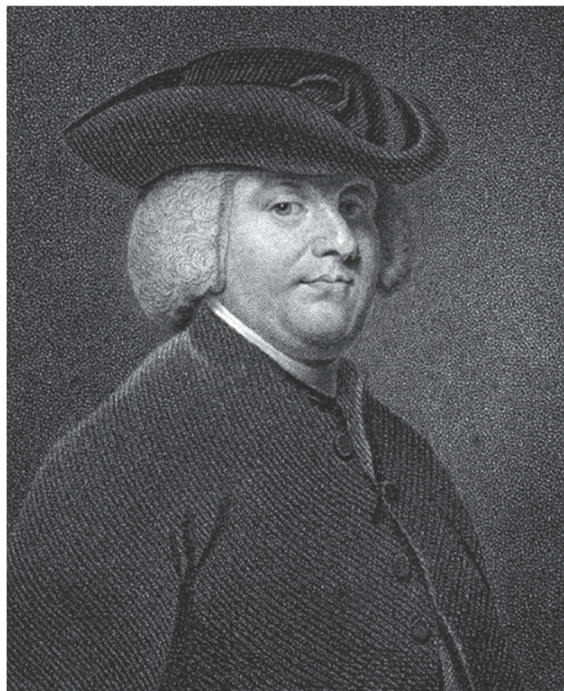
Ч. Дарвин, хоть и называл себя прирожденным натуралистом¹⁴, по образованию богослов. Учился в Кембридже, в колледже Христа (Christ's College). Кончил курс в числе лучших воспитанников. Получил академическую степень «бакалавра искусств» (В.А.), то есть гуманитария широкого профиля. Помимо основного предмета – богословия, владел латинским и гре-

ческим языками (латинский, правда, не любил еще со школьных лет). По-гречески читал диалоги Платона и «Начала» Евклида, логикой которого восхищался. На старших курсах ему преподавали отдельные естественно-научные дисциплины, вроде ботаники и геологии, но в ограниченном объеме и в ознакомительном порядке. Поэтому серьезного университетского образования в этой области Дарвин не приобрел. В натуралисты он попал благодаря не только личной склонности, но и протекции профессора Джона Хенслоу, увидевшего в нем перспективу и посоветовавшего своему молодому другу обратиться к изучению геологии. По его рекомендации Дарвин попал на геологическую экскурсию в Северный Уэльс, предпринятую профессором Адамом Сэдживиком, где собирал образцы и участвовал в обсуждении местных стратиграфических проблем. К началу путешествия на «Бигле» он уже ощущал себя геологом...

Молодой Дарвин был верующим человеком (*homo religiosus*), формально – протестантом-англиканином. И, возможно, стал бы сельским священником, если бы не доктринальные разногласия с господствовавшей церковью, о которых он отчасти писал в своих посмертно опубликованных автобиографических заметках. Дарвин (как и его жена Эмма) разделял унитарийские взгляды и, в частности, сомневался в догмате троичности. Как и его великий соотечественник Исаак Ньютон, Дарвин был склонен к арианству: «Я не верю в Иисуса Христа как сына Божьего», писал он в одном из писем. Ему не было дано

¹³ Галл Я.М. Становление эволюционной теории Чарлза Дарвина. – СПб.: Наука, 1993. – 141 с.

¹⁴ «I was born a naturalist». См.: *Darwin Ch. Autobiographies.* – L.: Penguin books, 2002. – P. 4.

Уильям Пэйли

простоты веры, и уделом на всю взрослую жизнь стали глубокие догматические сомнения¹⁵.

В университете Дарвин не проявил выдающихся богословских дарований (по его признанию, у него была «неметафизическая голова»). Ему не доставало интеллектуального воображения или мистического начала, без которых продуктивное богословское творчество невозможно. Но отказать ему в богословской компетенции никак нельзя. Он неплохо знал основную богословскую литературу своего религиозного окружения, следил за новинками в этой области и был научен читать теологические тексты с пониманием, вырабатывая свое частное богословское мнение (теологумены). Принятого им мнения он держался твердо, пока мог. Жарких споров не

любил и старался избегать. Полемика была ему тяжела и неприятна. При этом Чарлз Роберт Дарвин был сметливый, наблюдательный человек, легко делавший сравнения и первичные обобщения. Собираемые факты он подводил под общие концепции и идеи (в том числе богословские), которые обычно заимствовал в готовом виде у других авторов. И находил такой стиль мышления «истинно бэкониа́нским»¹⁶.

Вера Дарвина питалась, как я уже сказал, преимущественно от ума, а не от сердца. Мистицизм не был его стихией. Он был типичный богослов-рационалист. А потому не удивительно, что среди религиозных мыслителей, оказавших заметное влияние на мировоззрение Чарлза, особое место занял другой рационалист – архидиакон Уильям Пэйли (1743–1805), тоже когда-то выпускник, а затем преподаватель Кембриджа. Именно по трактату Пэйли «A view of the evidences of Christianity» («Обзор христианских свидетельств», 1794) Дарвин пытался рациональными аргументами убедить себя в том, что Иисус Христос был воистину сыном Божиим¹⁷, но не преуспел.

Зато взял у Пэйли многое другое.

Его увлекла популярная в его время «Естественная теология» Пэйли («Natural theology or Evidences of the existence and attributes of the deity», 1802). Деист и строгий детерминист, Пэйли считал, что в природе нет ничего случайного: везде господствует конечная цель и трансцендентная Божья воля. Об этом свидетельствует, прежде всего, очевидный порядок мироздания. Наблюдения за природой, выявляющие порядок вещей, ее имманентные законы, с необходимостью приводят к Творцу всего сущего. Выявлять и изучать этот порядок во славу Создателя – прямой долг ученых мужей.

Именно у Пэйли Дарвин усвоил общую идею многих деистов о том, что, если бы мир был со-

¹⁵ Лучшая из известных мне книг о вере и духовном развитии Дарвина в контексте формирования его научных взглядов: *Keynes R. Creation. The true history of Charles Darwin.* – L.: John Murray, 2001. – 334 p. Р. Кейнс – прямой потомок (праправнук) Дарвина по линии его второго сына Джорджа, математика. По книге Кейнса снят одноименный фильм с Полем Беттани в главной роли, на мой взгляд, не очень удачный. Во всяком случае, адекватно не передающий богатое содержание книги: сценарий сосредоточен вокруг недугов и личных переживаний Дарвина в связи с безвременной кончиной его любимой дочери Энни. Сам Дарвин показан вечно недугующим, слезливым невзрачным, подстрекаемым к выступлениям против религии и церкви кучкой своих друзей, самым непривлекательным из которых выглядит Т.Г. Гексли.

¹⁶ Обучаясь в Кембридже, Дарвин приобрел вкус к классической и, в особенности, к духовной музыке. Его любимым музыкальным произведением была ария «Овцы могут пастись спокойно» из известной кантаты И.С. Баха. Ее частенько исполняла для него на фортепьяно его жена – Эмма, ученица Ф. Шопена.

¹⁷ *Steinmüller A., Steinmüller K. Charles Darwin Biographie.* Von Käffersammler zum Naturforscher. 3 Aufl. – Berlin: Verlag von Neues Leben, 1990. – S. 86.

здан идеальным существом, тому не потребовалось бы вмешиваться в ход вещей, чтобы повлиять на него. С этой мысли, упорно не замечаемой комментаторами (не только отечественными, но и иностранными), собственно говоря, начинается и заканчивается «Происхождение видов». Она приводится Дарвином в первом эпиграфе к его главному труду, взятом из теологического трактата его учителя Уильяма Вьюэлла:

«Но по отношению к материальному миру мы можем допустить, по крайней мере, следующее: мы можем видеть, что явления вызываются не отдельными вмешательствами божественной силы, оказывающей свое влияние в каждом отдельном случае, но установлением общих законов».

С этой точки зрения, проповедовавшийся Дарвином трансформизм и предполагаемый основной механизм его – естественный отбор – вполне логично могут рассматриваться как тот самый порядок вещей, общий закон, реализующий Божий замысел о мире.

«Я не вижу достаточного основания, – подчеркивал Дарвин, – почему бы воззрения, излагаемые в этой книге, могли задевать чье-либо религиозное чувство. В доказательство того, как скоропреходяще подобное впечатление, утешительно вспомнить, что величайшее открытие, когда-либо сделанное человеком, а именно – открытие всемирного тяготения, было встречено нападками Лейбница, как “потрясающее основы естественной религии, а следовательно, и Откровения”. Один знаменитый писатель и богослов писал мне: “Я мало-помалу привык к мысли об одинаковой совместимости с высоким представлением о Божестве веры в то, что оно создало несколько первоначальных форм, способных путем саморазвития дать начало другим необходимым формам, как и веры в то, что оно нуждалось каждый раз в новом акте творения для того, чтобы заполнить пробелы, вызванные действием установленных им законов”».

Некоторые авторы утверждали, что в сотворение миллионов существ так же легко поверить, как и в сотворение одного, но философская аксиома «наименьшего действия», высказанная Мопертюи, невольно склоняет ум в пользу малого числа, и, конечно, мы не должны предполагать, что бесчисленные существа, в пределах каждого обширного класса, были созданы с очевидными,

но обманывающими нас признаками происхождения от общих родителей»¹⁸.

«Любопытно созерцать густо заросший берег, покрытый многочисленными, разнообразными растениями, птиц, поющих в кустах, насекомых, порхающих вокруг, червей, ползающих в сырой земле, и думать, что все эти прекрасно построенные формы, столь отличающиеся одна от другой и так сложно одна от другой зависящие, были созданы благодаря законам, еще и теперь действующим вокруг вас. Эти законы, в самом широком смысле – Рост и Воспроизведение, Наследственность, почти необходимо вытекающая из воспроизведения, Изменчивость, зависящая от прямого или косвенного действия жизненных условий и от упражнения и неупражнения, Прогрессия размножения, столь высокая, что она ведет к Борьбе за жизнь и ее последствию – Естественному Отбору, влекущему за собою Расхождение признаков и Вымирание менее совершенных форм. Таким образом, из войны природы, из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить, – образование высших животных. Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь, с ее различными проявлениями, Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм»¹⁹.

Эта мысль повторяется с теми или иными вариациями во всех известных самоизложениях теории Дарвина – во всех прижизненных изданиях «Происхождения видов», в очерках 1842 и 1844 годов. И не где-нибудь на задворках, а в итоговом разделе, содержащем квинтэссенцию его научно-богословской концепции.

«Нелепо, – заочно возражал Дарвин Пэйли, – чтобы Творец бесчисленных систем миров создавал каждого из мириадом ползающих паразитов и скользких червей, которые вечно кишели на суше и в воде земного шара. Мы перестаем изумляться, что, как это ни печально, создана группа животных, откладывающая свои яйца прямо во внутренности и мясо других, – что некоторые организмы наслаждаются жестокостью, – что ложные инстинкты обманывают животных, – что ежегодно

¹⁸ Дарвин Ч. Происхождение видов // Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 660–661.

¹⁹ Там же, с. 665.

происходит неисчислимая напрасная трата яиц и пылицы. Мы можем видеть, что высшее благо, которое доступно нашему пониманию, создание высших животных, вытекает непосредственно из смерти, голода, грабежа и скрытой войны в природе. Несомненно, что постижение законов, по которым возникают отдельные организмы, каждый из которых отличается самым изящным строением и широкой способностью приспосабливаться, сначала превосходит наши скромные силы. С нашей посредственностью, с низким качеством наших способностей больше согласуется предположение, что каждый из них требует "да будет" Творца, но в такой же степени существование этих законов должно возвышать наше представление о могуществе Всеведущего Творца. Есть несомненное величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее силами роста, ассимиляции и воспроизведения была первоначально вдохнута в материю – в одну или несколько форм; в то время, как наша планета вращалась согласно неизменным законам и в цикле изменений суша и вода сменяли друг друга, из такого простого начала посредством процесса постепенного отбора бесконечно малых изменений развилось бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм»²⁰.

В приведенном отрывке упоминание Всеведущего Творца сопровождается следующим рассуждением Дарвина о самом характере процесса Сотворения: «Предполагаемый Творческий дух не создает ни количества, ни рода, которые по аналогии приспособлены к месту (см. Новая Зеландия), он не сохраняет их постоянно приспособленными к какой-либо стране, – он работает на местах или в областях творения, – но не остается постоянным в течение больших периодов, – он создает формы тех же групп в тех же областях, без физического сходства, – он создает на островах или горных вершинах виды, сходные с соседними и не сходные с альпийской природой, как на других горных вершинах, – [он создает] даже различные [виды] на различных островах одинаково построенного архипелага, он не создает [одинаковые виды] в двух пунктах; никогда млекопитающие не были созданы на маленьком изолированном острове; ни множество организмов не было приспособлено к [одной] местности; на его силу влияет или она находится в зависимости от распространения других видов, совершенно отлич-

ных, но того же рода, – в смысле различий он действует неодинаково на все группы того же класса»²¹.

В «Очерке 1844 года» мысли Дарвина о Божественном творении как эволюции приобретают еще более определенный характер.

«Есть много величия, – пишет он, – во взгляде на каждый существующий организм как на прямого потомка какой-нибудь формы, погребенной теперь под тысячами футов твердой породы, или же как на одного из общих потомков еще более древнего, погребенного и совершенно утраченного обитателя этого мира. Это согласно с тем, что мы знаем о законах, запечатленных на [неживой] материи Творцом, – возникновение и вымирание форм, подобно рождению и смерти особей, является результатом вторичных причин. Унизительно предполагать, что Творец бесконечной вселенной творил отдельными актами своей воли мириады ползающих паразитов и червей, которые с самой зари жизни кишели на земле и в глубинах океана. Мы перестаем удивляться тому, что была образована группа животных, откладывающих свои яйца в кишки и мясо других чувствующих существ; что некоторые животные живут и даже наслаждаются жестокостью; что животные обманываются ложными инстинктами; что ежегодно происходит неисчислимая напрасная трата пылицы, яиц и незрелых существ, – ибо мы видим в этом неизбежное следствие единого великого закона умножения органических существ, не созданных неизменными. Мы видим, как из смерти, голода и борьбы за существование непосредственно вытекает самый возвышенный результат, какой только мы способны себе представить, именно создание высших животных. Несомненно, наше первое впечатление вызывает у нас сомнение в том, чтобы какой-либо вторичный закон мог произвести бесконечное число органических существ, отличающееся каждое чрезвычайной тонкостью строения и разнообразными приспособлениями; сначала нашему уму как будто легче предположить, что для каждого из них требовалось «да будет» Творца. Есть <несомненное> величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее разными способностями роста, воспроизведения и ощущения была первоначально вдохнута в материю, в немногие формы, возможно только в одну, и между тем как наша планета вращалась в пространстве согласно неизменным законам тяго-

²⁰ Дарвин Ч. Очерк 1842 года // Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 110.

²¹ Там же.

тения, а суша и вода сменяли друг друга, – из такого простого начала, посредством отбора бесконечно малых изменений, развилось бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм»²².

В приведенных отрывках Дарвин основывает свою теорию на богословской концепции «прототипов» – представлении о немногих формах первичного творения, в которые Господь непосредственно вдохнул жизнь, и которые в дальнейшем под влиянием климата, посредством гибридизации или других «вторичных причин» дали начало современному биоразнообразию. Идее, разделявшейся Карлом Линнеем, о которой пишет в своей статье Ю.В. Чайковский.

Само обращение Дарвина к проблеме возникновения видов, возможно, было навеяно, хотя бы отчасти, штудированием все той же «Естественной теологии» Пэйли. Тот был радикальным креационистом. Убежден не только в неизменности видов, но и в том, что каждый из них был сотворен специальным творческим актом. С этим убеждением Дарвин отправился в кругосветное плавание на «Бигле», офицеров которого поражал своей искренней верой в истинность всего, написанного в Библии. И лишь после посещения Южной Америки и Галапагосских островов засомневался в теологумене Пэйли и, в конце концов, существенно преобразовал концепцию учителя. Мир Пэйли статичен и совершенен. Мир Дарви-

на – динамичен и постепенно совершенствуется, прогрессирует. Задача естественной теологии Пэйли доказать существование Бога на основе свидетельств, находимых в природе, задача естественного богословия Дарвина – объяснить устройство природы, исходя из идеи разумного Творца. То, что явил миру Дарвин в «Происхождении видов» – не теория эволюции путем естественного отбора, а двухсоставная теологумена креационизма: непосредственное творение «прототипов» путем отдельных творческих актов на начальном этапе и последующее перманентное творение как эволюция этих «прототипов» посредством естественного отбора. Таким образом, «Происхождение видов» Дарвина следует рассматривать не как чисто научную теорию, а как трактат по естественной теологии, частью которого являются научные соображения и теории, поясняющие, как могло происходить творение посредством эволюции в основном без непосредственного вмешательства Творца. Указанные научные соображения и теории (естественный отбор, упражнение-неупражнение органов и др.) составляют оригинальную часть естественно-богословской концепции Дарвина, в которой он, несомненно, имел предшественников в научной среде, но не среди богословов. Замечу, что выявившиеся еще при жизни Дарвина недостатки его научных объяснений не подрывали основ его богословской концепции.

И.А. Игнатьев

²² Дарвин Ч. Очерк 1844 года // Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 229–230.